

К. ЛИГОВ

КАЖДЫЙ ВЕЧЕР

Каждый вечер проделываю одну и ту же операцию: хлопнув дверь в подъезде, проверяю почту, просунув для этого в отверстие почтового ящика указательный палец. Ключ от квартиры всегда лежит у меня в правом кармане, я об этом знаю. Включив в комнате свет, сажусь не раздеваясь в кресло и просиживаю минут пять, ни о чем не думая. На кухне наблюдаю, как на засаленной сковородке прыгает и въедается в рыбу раскаленный жир. После крепкого кофе из узкой с золотым ободком чашки лежу на диване, выкуривая подряд две сигареты. Взгляд устремлен вверх, на витиеватые трещины потолка. Потом сажусь в мягкое скрипучее кресло у лакированного письменного стола. Левая рука гладит коричневую полинявшую обивку с чернильными пятнами, ползет дальше и натывается на аккуратно сложенные листы бумаги. Каждый листок — новая попытка, новое начало чего-то... Пробегая их глазами. Бессонные ночи, бесплодные наброски. Опять минут пять провожу в полной неподвижности, уставившись на репродукцию с картины Антуана Гро. Его Бонапарт мне не нравится, хотя, как уверяют знакомые, он похож на меня. Надо сходить посмотреть в Эрмитаже. Как-то она сказала: "Снимите это, иначе я больше не приду". Больше не приходила. Не снял. Запрокидываю голову на спинку кресла, опять этот скрип, и снова вижу трещины на потолке, только с другой стороны. Совсем другой рисунок. Пробегая глазами обратный путь по трещинам, слышу шуршанье сухой бумаги. Это моя рука тербит клочок газеты с рассказом Моравиа. Так он и лежит у меня в кармане халата непрочитанный. Напрягаю память, стараюсь вспомнить название. "Вечер в театре"... "Случай в театре"... Нет, слова театр там нет. Кажется, кафе. "Случай в кафе". Она сказала: "Мне не нравятся ваши соседи. Почему вы так мягко с ними разговариваете? Они вам скоро на голову сядут." Пусть садятся. Я вообще с ними не разговариваю. Глухая Софья Марковна, вечно пьяный Анатолий, глупая Екатерина Васильевна, семейство молодых инженеров

Карпухиных, Анна Семеновна, родственница известного композитора. Это она сейчас напевает на кухне. Подхожу к открытому окну, гляжу на дождливый двор. Интересно, что сейчас делает Беккет? В четверг она сказала: "Есть ли смысл в том, что вы пишете?" Я спросил: "В каком смысле?" Она ответила: "Я прочитала ваш рассказ и ничего не поняла". Больше об этом не говорили. Груды бумаги в ящиках письменного стола. Надо навести порядок. Собрать все записи, отнести на кухню, утрамбовать их в ведре. А лучше переждать дождливые дни, найти за городом небольшую поляну и сечь там. Романтика. — В одном ящике старые фотографии. От них тоже надо избавиться. Десять лет тому назад. Южный город. Мой день рождения. Час дня. Медленно иду по узкой улице. Солнце печет, галстук режет шею, во рту сухо. Встреча с сестрой на улице. "Мама дала деньги сфотографироваться. Слышишь?" Мы зашли в темное душное ателье. Маэстро с большим животом и одышкой посадил нас в позн. Я облизал губы, застыл в полу-улыбке. Фотографии мне не понравились, но я почему-то сохранил одну. Дождь усилился, надо закрыть окно, иначе зальет подоконник. После первой ночи она сказала: "У тебя здесь очень мило. Даже не верится, что ты живешь один. Давай еще положим немного, а потом я встану и приготовлю завтрак". Вытаскиваю ящики на середину комнаты. Сломанные часы, газовая зажигалка, портсигар со шпилями Таллина, большой охотничий нож с лопнувшей пружиной, батарейки от проданного приемника, пачка "Филип Морриса". Можно сложить из ящиков какую-нибудь простую фигуру. Крест или самолет. Когда я с ней познакомился, она сказала: "Тот, кто знакомится со мной сегодня, будет счастлив". "Почему?" — спросил я. Она ничего не ответила и пошла на балкон. Сложил ящики колодцем и сел сверху. Неужели, мне так и не удастся побывать в Антверпене? Подхожу к зеркалу и разглядываю угол комнаты. Себя не замечаю. Потом увидел. Лоб сморщился, губы пересохли, нос удлинился. Неделю назад выглядел куда лучше. Она сказала: "В последнее время я постоянно думаю о вас". А